

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ.

Что такое „парастасъ“?

Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

„Стояжу при крестѣ Иисусовъ Мати Его, и сестра Матере Его, Марія Клеопова, и Марія Магдалина. Иисусъ же видѣвъ Матерь, и ученика стояща, егоже любяше, глагола Матери Своей: „Жено, се сынъ Твой“. Потомъ глагола ученику: „се Мати твоя“. И отъ того часа поятъ Ю ученикъ во свояси“ (Іоан. 19, 25—27).

Въ этихъ словахъ святаго Евангелія изображаются крестныя страданія Спасителя и предстояніе Пресвятой Дѣвы и св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова у Креста Христова. Эти событія наглядно изображаются на панихидномъ столѣ: здѣсь мы видимъ и подобіе Голгофы, и образъ Христа, распятаго на крестѣ, и изображенія Пресв. Богородицы и Іоанна Богослова. Почему же такое изображеніе помѣщается здѣсь? какой смыслъ заключается въ этомъ?

Пресвятая Богородица и св. Іоаннъ Богословъ предстояли у Креста Христова, конечно, затѣмъ, чтобы присутствіемъ своимъ выразить свою любовь и сочувствіе дорогому Страдальцу и тѣмъ хоть нѣсколько облегчить Его тяжкую муку душевную и тѣлесную. Взоры Богоматери и возлюбленнаго ученика на страдающаго Бого-

¹⁾ Слово для произнесенія на заупокойномъ всенощномъ бдѣніи (парастасѣ), — наканунѣ „родительскихъ“ (субботы Мясопустной, „Радолицы“, субботы Троицкой и Димитріевской), наканунѣ погребенія или поминовенія отдѣльныхъ лицъ. При совершеніи парастаса за одного *уотича* по желанію родныхъ на дому или въ храмъ наилучшее время для такого поученія — *предъ самымъ началомъ парастаса*; при совершеніи *общаго парастаса* въ храмъ во дни вселенскихъ поминовеній поученіе наиболее уместно и благовременно *тогда послѣ шестопсалмя*, предъ заупокойной великой эктеньей: къ началу Богослуженія приходятъ далеко не всѣ, а къ великой эктении соберется большая часть богомольцевъ, и слово будетъ наиболее плодотворно. Переносить слово на *болѣе поздній моментъ* парастаса не слѣдуетъ: тогда не достигнется главная цѣль слова — *заранѣе приготовить умы и сердца къ сознательной молитвѣ за умершихъ*. Въ словѣ упоминаются кулія и зажженныя свѣчи, какъ символы воскресенія и блаженства; объ этихъ желательныхъ и важныхъ подробностяхъ парастаса хорошо предупредить богомольцевъ заранѣе, — въ предыдущій воскресный или праздничный день. Авторъ.

и исправленіе, — грѣшилъ волею и неволею, вѣдѣніемъ и невѣдѣніемъ; — часто блуждалъ во тьмѣ. Но вотъ явился умершій предъ Богомъ, Солнцемъ правды, — и видитъ себя и всю свою жизнь во свѣтѣ лица Божія, безъ всякихъ прикрасъ и обмана, по чистой совѣсти и истинной правдѣ: видитъ онъ ясно, какъ много добрыхъ дѣлъ онъ могъ бы сдѣлать, — но по невниманію опустилъ, сколькихъ грѣховъ могъ бы избѣжать, — но по нерадѣнію сдѣлалъ. И радъ бы усопшій начать жить сначала, — да ужъ поздно: прошло то время, когда онъ самъ могъ своими силами трудиться и работать надъ собой; теперь ему можно только горько сожалѣть о прошломъ; но ни одного добраго дѣла онъ самъ не можетъ сдѣлать; никакого подвига не можетъ совершить: душа его ушла изъ этого міра, гдѣ онъ могъ работать, — лишилась своего тѣла, которое было для нея необходимымъ орудіемъ въ трудахъ. Въ такомъ скорбномъ, тяжеломъ положеніи находится умершій; нужна ему наша братская помощь, нужна наше «предстояніе», нуженъ «парастасъ». И вотъ для того, чтобы мы, живые, могли оказывать помощь умершему, поддерживать его своимъ сочувствіемъ, — для этого составлена особая трогательная церковная служба, заупокойное всенощное бѣдніе, — *парастасъ*. Въ этой службѣ подробно излагаются нѣсколько главныхъ мыслей, которыя могутъ приносить великое утѣшеніе и пользу умершимъ и намъ, живымъ.

Прежде всего въ парастасѣ часто слышится упоминаніе о грѣхахъ умершаго и моленіе о томъ, чтобы Господь простилъ ихъ. Это упоминаніе о грѣхахъ необходимо для силы и пользы нашихъ молитвъ. Кто не страдаетъ, того нечего жалѣть; у кого нѣтъ бѣды, тому нечего и помогать; чѣмъ лучше и яснѣе мы будемъ знать, понимать и чувствовать горе ближняго, тѣмъ сильнѣе будетъ у насъ желаніе утѣшить и выручить его. У нашихъ усопшихъ есть на душѣ великая бѣда, — грѣхи, нажитые здѣсь на землѣ; эту бѣду мы воспоминаемъ въ молитвѣ не для того, чтобы терзать души усопшихъ, а для того, чтобы свое сердце сильнѣе растрогать и расположить къ молитвѣ. Господь только тогда приметъ и исполнитъ нашу молитву, когда она будетъ истинной, правдивой, а не лживой; побъ этому ясно говорить царь Давидъ: „*Блажь Господь всѣмъ призывающимъ Его, всѣмъ призывающимъ Его во истинѣ; волю боящихся Его сотворитъ, и молитву ихъ услышитъ, и спасетъ я*“ (Псал. 144, 18—19). Если мы въ молитвѣ умолчимъ о грѣхахъ умершаго, то это будетъ ложь: „*нѣсть человекъ правен*

день на земли, иже сотворитъ благое и не согрѣшитъ“ (Еккл. 7, 21); такая не-истинная молитва будетъ даже въ тягость умершему: при свѣтѣ лица Божія онъ ясне видить и больше чувствуетъ всякую ложь и неправду. Страдальцу бываетъ легче, когда про его бѣду говорятъ, но не со злорадствомъ, не съ осужденіемъ, а со скорбію и состраданіемъ; такъ и о грѣхахъ умершихъ мы должны вспоминать не съ осужденіемъ и злобой, а съ сожалѣніемъ и печалью,—какъ говорить псалмопѣвецъ: „Печаль пріятѣ мя отъ грѣшниковъ, оставляющихъ законъ Твой“ (Псал. 118, 53). «Раздѣленное горе—въ пол-горя»; когда ты, живой, раздѣлишь горе умершаго,—пожалѣешь о его грѣхахъ,—ему отъ этого станетъ легче на сердцѣ,—ты снимешь съ него половину тяготы и исполнишь законъ Христовъ, по слову апостола: „Друзѣ друга тяготы носите, и тако исполните законъ Христовъ“ (Гал. 6, 2).

Затѣмъ въ парастасѣ мы слышимъ частое упоминаніе о благодости и милосердіи Божиѣмъ. Если бы мы только скорбѣли о грѣхахъ нашихъ умершихъ,—наша скорбь могла бы перейти въ уныніе и отчаяніе; но мысль о благодости Божіей даетъ нашей душѣ облегченіе, отраду и надежду на спасеніе: нѣтъ бѣды непоправимой,—великъ грѣхъ людской,—но благодость Божія неизмѣримо больше; поэтому зывайте къ Богу, живые, вмѣстѣ съ умершими: „Въ безднѣ грѣховнѣй валяяся, неизслѣдную милосердія Твоего призываю бездну: отъ тли, Боже, мя возведи.“ Не напрасно милосердіе Божіе сравнивается съ бездною и пучиною морской; пророкъ Михей говоритъ о Богѣ: „Онъ опять умилосердится надъ нами, изгладитъ беззаконія наши. Ты свергнешь въ пучину морскую ветъ грѣхи наши“ (Мих. 7, 19). Великое море смываетъ съ лица земли даже цѣлые города; въ глубинѣ морской тонуть безслѣдно громадные корабли—наравнѣ съ малыми лодками, большія скалы—наравнѣ съ мелкими камешками; и при всемъ томъ море нисколько не уменьшается, не мелѣетъ, не сохнетъ,—затонувшія въ немъ громады не могутъ наполнить его и не мѣшаютъ никому свободно плыть по волнамъ его.—Какъ бы ни была велика громада грѣховъ людскихъ,—всемогущая благодать Божія можетъ покрыть и изгладить ихъ всецѣло и безслѣдно, и эти прощенные и исцѣленные Богомъ грѣхи нисколько не уменьшаютъ, не исчерпываютъ милосердія Божія и никому не мѣшаютъ прибѣгать къ Нему для спасенія. Поэтому при молитвѣ за усопшихъ будемъ съ отрадой вспоминать слова псалмопѣвца: „Оставилъ еси беззаконъ“

ня людей Твоихъ, покрылъ еси вся грѣхи ихъ“ (Псал. 84, 3); „яко у Господа милость, и многое у Него избавленіе, и Той избавитъ Израиля отъ всехъ беззаконій его“ (Пс. 129, 6).

Далѣе, въ парастасѣ многократно слышится упоминаніе о страданіяхъ, крестной смерти и погребеніи Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Это—великія и отрадныя знаменія любви Божіей ко всѣмъ грѣшнымъ людямъ, къ живымъ и умершимъ. „Такъ возлюбилъ Богъ міръ, что отдалъ Сына Своего Единороднаго, дабы всякій, вѣрующій въ Него, не погибъ, но имѣлъ жизнь вѣчную“ (Іоан. 3, 16). Христосъ „грѣхи наши Самъ вознесъ на крестъ Своимъ на древо, дабы мы, избавившись отъ грѣховъ, жили для правды“ (1 Петр. 2, 24); живой духъ Христа послѣ Его тѣлесной смерти проповѣдалъ и грѣшнымъ душамъ умершихъ (1 Петр. 3, 18—19),—и къ нимъ принесъ благовѣстіе о спасеніи, „чтобы они, подвергшись суду по челоуѣку плотию, жили по Богу духомъ“ (1 Петр. 4, 6). Воспоминаніе о страданіяхъ и смерти Господа утѣшительно для насъ и съ другой стороны. «На міру и смерть красна»: тяжело страдать въ одиночку; а когда видишь, что люди гораздо выше и лучше, умнѣе и добрѣе тебя страдаютъ не меньше тебя,—легче становится на сердцѣ: «Такіе великіе люди—и то страдаютъ, а мнѣ-то и подавно Богъ велѣлъ». Такая утѣшительная мысль проникаетъ въ наше сердце при взглядѣ на Крестъ Христовъ. Самъ Божественный Спаситель страдалъ, подвергался поруганію и смерти; Сама Царица Небесная тяжело страдала, лютое оружіе пронзало Ея душу при страданіяхъ и смерти Ея Сына и Господа: „Увы Мнѣ, Чado Мое! Увы Мнѣ, Святе Мой и Утроба Моя возлюбленная“. Тѣмъ болѣе намъ, грѣшнымъ и недостойнымъ, слѣдуетъ претерпѣть скорбь объ умершихъ; въ этой скорби мы не одиноки: Спаситель и Его Пречистая Матерь по собственному опыту могутъ намъ сочувствовать и утѣшить насъ.

Затѣмъ мы неоднократно слышимъ въ парастасѣ упоминаніе о воскресеніи Христа, о побѣдѣ Его надъ смертью и о нашемъ будущемъ воскресеніи. Это воспоминаніе особенно утѣшительно для насъ и для умершихъ. Мы, живые, томимся вмѣстѣ съ умершими отъ взаимной разлуки,—потому что не можемъ видѣться другъ съ другомъ. Особенно тяжело бываетъ переносить разлуку тогда, когда нѣтъ надежды на новое свиданіе. Пока Христосъ не воскресъ, смерть дѣйствительно могла считаться бѣдой непоправимой,—разлука живыхъ съ умершими могла считаться безконечной.

Но воскресъ, воистину воскресъ Христосъ, и намъ далъ несомнѣнную надежду на наше будущее воскресеніе: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, первенецъ изъ умершихъ... Какъ въ Адамъ все умираетъ, такъ во Христѣ все оживуетъ“ (1 Кор. 15, 20, 22). Теперь мы знаемъ несомнѣнно и вѣруемъ, что наша разлука съ умершими—не навсегда, а только до времени, опредѣленнаго Богомъ; придетъ пора,—мы все снова увидимся; а когда знаешь, что разлукѣ будетъ конецъ,—гораздо легче переносить ее. Поэтому мысль о воскресеніи да наполнитъ скорбныя души живыхъ и умершихъ радостной надеждой на свиданіе. Посмотрите на кутю, приносимую въ память умершихъ,—и въ этихъ зернахъ увидите образъ воскресенія. Зерно само по себѣ сухо; бросили его въ землю,—оно разбухло и, повидимому, разрушилось; но наступила пора,—и изъ зерна является новое растеніе, полное жизни. То же будетъ и съ человѣкомъ, по слову апостола: „То, что ты сеешь, не оживетъ, если не умретъ. И когда ты сеешь, то сеешь не тѣло будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное, или другое какое. Но Богъ даетъ ему тѣло, какъ хочетъ, и каждому семени свое тѣло... Такъ и при воскресеніи мертвыхъ“ (1 Кор. 15, 36—38, 42). Зерно само по себѣ безвкусно,—но медъ, плоды и другія сладости улучшаютъ вкусъ его; смерть сама по себѣ горька,—но радостью воскресенія смягчается горечь смерти.

Наконецъ, въ парастасѣ мы слышимъ частое воспоминаніе о св. мученикахъ; что это значить? для чего это?—Случается намъ иногда собирать близкаго человѣка въ новый невѣдомый путь, провозжать и снаряжать его на житѣ въ дальній невѣдомый край; сердце наше сжимается отъ тревожнаго раздумья: что-то будетъ съ нашимъ дорогимъ путникомъ въ новой дорогѣ и на новомъ мѣстѣ? Но вотъ, узнали мы, что есть тамъ, въ новомъ краю, нашъ родственникъ или другъ, который давно уже проѣхалъ по этому новому пути, хорошо знаетъ его, прочно и успѣшно устроился и обжилъ на новомъ мѣстѣ; и сразу половина заботы отлегла отъ нашего сердца. Мы заводимъ переписку съ нашимъ далекимъ другомъ, спрашиваемъ его совѣтовъ и указаній, просимъ встрѣтить и обласкать нашего новичка, не оставить его безъ поддержки и добраго руководства на новомъ мѣстѣ,—при случаѣ—своей мудростью и силой по возможности исправить его промахи и ошибки. Когда нашъ новичокъ прибудетъ на мѣсто,—мы въ своей памяти

и сердце не разделяемъ стараго и новаго друга,—въ письмахъ къ одному неизмѣнно посылаемъ привѣтъ и другому.—Всякій человѣкъ, умирая, можетъ сказать о себѣ: «Иду въ незнаемый я путь, иду межъ страха и надежды». *„Камо убо души нынѣ идутъ? како убо нынѣ тамо пребываютъ? желаетъ вѣдати таинство, но никтоже доволенъ повѣдати“* (чинъ погребенія священниковъ, икосъ 6-й). *„Лукавый путь, имже отхожду, имже никогдаже сице ходихъ, и страна она незнаема, идѣже никтоже никакоже познаваетъ мя“* (тамъ же, икосъ 16). Поэтому и мы, живые, провожаемъ своихъ усопшихъ въ жизнь иную, загробную, со страхомъ и недоумѣниемъ: не можемъ мы знать навѣрняка: что тамъ съ ними будетъ? Но, слава Богу, есть у насъ тамъ, за гробомъ, старшіе братья о Христѣ,—святые мученики: они давно уже побѣдоносно прошли путь смерти,—безъ страха, съ вѣрою, надеждою и любовію къ Богу переносили лютыя муки, шли подъ мечъ острый, какъ подъ вѣнецъ красный,—успѣшно достигли новаго жилища—царства небснаго и тамъ наслаждаются безконечной и безмятежной радостію: *„Радость вѣчная надъ главою ихъ: надъ главою бо ихъ хвала, и веселіе, и радованіе приметъ я, отбѣже болѣзнь, и печаль, и въздыханіе“* (Ис. 35, 10). Это блаженство и слава мучениковъ подробно и ярко изображается въ гѣхъ церковныхъ чтеніяхъ или париміяхъ, которыя положено читать на парастасѣ: *„Праведныхъ души въ руку Божіей, и не прикоснется ихъ мука“* (Прем. 3, 1). *„Праведницы во вѣки живутъ, и въ Господѣ мзда ихъ, и пощеніе ихъ у Вышняго“* (Прем. 5, 15). Къ этимъ-то мудрымъ и опытнымъ небеснымъ друзьямъ нашимъ мы и обращаемся съ мольбой о нашихъ усопшихъ,—просимъ св. мучениковъ поддержать своей святою любовію новыхъ переселенцевъ съ земли, утѣшить ихъ въ скорби, ободрить ихъ въ боязни, своей силой помочь имъ перебороть остатки земныхъ грѣховъ,—быть имъ спутниками и руководителями ко Христовой радости: *„Аще отъ страны нѣкѣя идуще, водящія нѣкѣя требуемъ,—что сотворимъ, а може идемъ во страну, идѣже не познаемъ? многихъ тебѣ тогда водителей потреба, многихъ тебѣ молитвъ спутешествующихъ, спасти душу окаянную, дондеже достигнути ко Христу, и реци къ Нему: Аллилуія“* (Погребеніе священниковъ, икосъ 17-й). Поэтому въ молитвахъ на парастасѣ мы постоянно объединяемъ и чередуемъ св. мучениковъ съ нашими усопшими: въ каждой пѣсни канона 1-й стихъ относится къ мученикамъ: *„Дивенъ Богъ во святыхъ Своихъ, Богъ Израилевъ“*,—

2-й стихъ—къ умершимъ: „*Упокой, Господи, души усопшихъ рабъ Твоихъ*“. Слушай, христіанинъ, этотъ канонъ со вниманіемъ и мольбой о себѣ и объ усопшихъ: „*Святѣи мученицы, иже добръ страдаше и вѣнчавшися, молитесь ко Господу спастися душамъ нашимъ*“.

Вотъ, изъ какихъ спасительныхъ мыслей и чувствъ слагается наше утѣшительное предстояніе за умершихъ,—заупокойное бдѣніе,—*парастася*. По-истинѣ, здѣсь бездна премудрости и море утѣшенія для всѣхъ! Будемъ же совершать это дивное моленіе за умершихъ съ яснымъ разумѣніемъ и теплымъ чувствомъ. «Сердце сердцу вѣсть подаеть»: наша сердечная и разумная молитва отзовется свѣтлой радостью и покоемъ въ душахъ почившихъ нашихъ ближнихъ. Великое значеніе имѣеть молитва даже одного человека; тѣмъ болѣе сильна и благотворна единодушная и единомысленная молитва всего церковнаго собранія. При молитвѣ за усопшихъ мы держимъ въ рукахъ зажженные свѣчи; при свѣтѣ ихъ въ храмъ становится отрадно, тепло, легко стоять и славить Бога. Да будетъ также легко и нашимъ усопшимъ на мѣстѣ ихъ упокоенія; да славятъ они Господа вмѣстѣ съ нами,—да озаритъ ихъ свѣтъ Христовой истины,—да согрѣетъ ихъ теплота Божіей любви: „*Блаженн людѣ, вѣдущии воскликновеніе: Господи, во свѣтѣ лица Твоего пойдутъ, и о имени Твоемъ возрадуются весь день*“ (Пс. 88, 16—17). Открытыя царскія врата пусть напоминаютъ намъ о райскихъ вратахъ, которыя открыты Христомъ для св. мучениковъ, а при ихъ помощи могутъ открыться и для ихъ немощныхъ братій. Да запечатлѣются глубже въ умъ и въ сердцѣ нашемъ главныя мысли парастасы: *грѣхи людскіе, благодать Божія, Крестъ Христовъ, Свѣтлое Воскресеніе и слава мучениковъ*. Грѣхи умершихъ вызовутъ въ сердцѣ нашемъ правдивую скорбь и жалость къ нимъ; благодать Божія дастъ намъ надежду на прощеніе и исцѣленіе; Крестъ Христовъ призоветъ насъ къ благодаренію, кротости и терпѣнію; Воскресеніе даруетъ намъ радостную надежду на общее всемірное свиданіе; слава мучениковъ ободритъ живыхъ и умершихъ братской помощью у Престола Господа Славы.

„*Со святыми упокой, Христе, души рабъ Твоихъ, и дѣйже нѣсть болѣзнь, ни печаль, ни въздыханіе, но жизнь безконечная*“. Аминь.

Священникъ Николо-Ляпуновской церкви гор. Казани
Александръ Воронцовъ.